

Литературная газета

На днях состоялся традиционный Всесоюзный Некрасовский праздник поэзии. В связи с этим мы попросили поэтов Х. Берулаву, М. Львова, В. Некляева, Ю. Полякова и В. Фирсова высказать свое мнение о значении Некрасова для современной советской поэзии.

НЕКРАСОВ И СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ

В БОЛЬШОЙ русской поэзии всегда шла столбовой дорогой народная жизнь — Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Маяковский...

После революции в ней слышны были гулы миллионов людей, «музыка революции», которая воспламенила Блока на создание «Двенадцати».

И можно себе представить Некрасова среди бурлящих толп революционного Петрограда, так же как Пушкина — на Сенатской площади.

ренье — не элигонство, а развитие! Стихи же сами — лермонтовской силы!

Традиции Некрасова плодотворны, как сама жизнь!

Иные критики, так сказать, «клянут» Блока за некоторые неудачные его строки. Что ж, в мощном потоке эпохи могут оказаться мелкие камушки или песчинки.

Вспоминаю, как мой сосед, покойный ныне критик Виктор Осипович Перцов, просил меня передать в издательство «Художественная литература» на-

В 1944 ГОДУ на освобожденной от фашистов Смоленщине в старой, чудом уцелевшей школе я впервые встретился с поэзией Николая Алексеевича Некрасова...

Была студеная зима. Естественно, что после столь чудовищного нашествия учеников в школе было мало. В казавшемся тогда огромном помещении сидели ученики всех четырех классов начальной школы. Учитель-фронтоник по очереди обходил всех, давая разные задания. Нам же, пятерым первокурсникам, сидевшим за передними столами, он негромко сказал: «Ребята, я хочу начать первый урок со стихов великого русского поэта Некрасова». И зазвучали строки, глубоко запавшие в детскую душу:

— Ну, пошел же, ради бога! Небо, ельнин и песню...

И вдруг:

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...

Да, после всего пережитого этот некрасовский мальчонка нам оказался удивительно близок, ибо мы сами были босы и наги. Но мы не стыдились своей босоты и наготы, ибо жили духовным здоровьем народа, победившего ненавистного врага, учились, трудились и жили верой в собственное будущее, особенно когда на память вновь приходили строки из того же стихотворения, читанного учителем на первом уроке:

...Будешь в университете —
Сон свершился наяву!

И сон свершился. У каждого из моих товарищей оказались свои университеты. своя добрая судьба, в известной мере осененная гением Некрасова. Не знаю, сумел бы я прийти к поэзии, если бы не было Некрасова и его выдающегося последователя — Александра Трифоновича Твардовского. Кстати, именно ему я обязан

чуткостью к некрасовской лирике и вообще к поэзии как таковой.

У всех на памяти концовка поэмы «Василий Теркин»:

Пусть читатель верный
Скажет с книжкою в руке:
— Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке.

Владимир
ФИРСОВ

ЭХО РУССКОГО НАРОДА

Я был одним из тех читателей...

Язык поэзии Некрасова уже при жизни поэта был близок и крестьянину-пахарию, и студенту-разночинцу, и равнодушно воспринимался всеми слоями русского общества.

Некрасов стал выразителем боли, дум и чаяний своей сложной эпохи, запечатлев перелом России от гоголевской «птицы троицы» к «Железнодорожнику» и «Железнодорожнику».

О Некрасове спорили его современники: поэт он или же только проповедник социальных идей? Тем более что сам Некрасов во всеуслышание заявлял, обращаясь к человеку, наделенному даром слова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Спорили... А он всю свою творческую жизнь прожил как великий вдохновенный и несравненный лирик, воспевавший красоту русской природы, русского человека — творца, русскую женщину — от простой крестьянки до верной

оплутницы каторжника — дебриста. Образ его родной матери, который он пронес сквозь всю свою подвижническую жизнь, в конечном счете воспринимался как памятник Матери-человеческой. Стоит только вспомнить его сердечной боли «Рыцарь на час» или отрывок из поэмы «Тишина» — «Внимая ужасам войны»...

Во всем творчестве Некрасова, начиная с первой его книги «Мечты и звуки», воплотился подлинно народный демократизм. Поэт шел к униженным, шел к обиженным, как и его герой, народный заступник Гриша Добросклонов. И не случайно, может быть, его с чьей-то легкой руки определили как поэта «скорби и печали». Но печаль Некрасова была светлая, а скорбь его таила неизбывную веру в силу народную, в силу Савелия — богатыря савельевского. И как поэт, и как публицист, и как гражданин он пророчески, оптимистически глядел в грядущий день своего народа. «Сегодняшний день лучше вчерашнего, завтрашний будет лучше сегодняшнего... Правдивое признание заслуживают все, кто приносит истину в жертву корысти и самолюбия... Стыд всем сплетничавшим, клеветавшим, барышничавшим, обрабатывавшим благородное оружие — мысль и слово — в орудие личных своих интересов и страстей»...

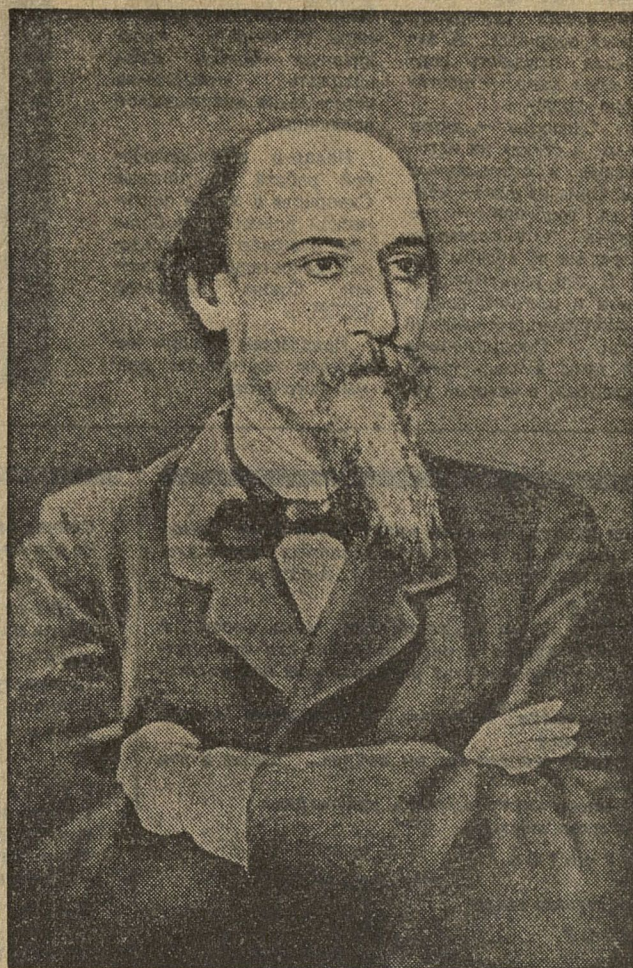
Да, в Некрасове было много толков и споров. Одни искренне считали, что он выше Пушкина. Другие же — представляли школы «чистого искусства» — навевали мысль о формально-творческой несостоятельности поэта. Но народ, однако, при жизни Некрасова читал его стихи, пел его песни. Этот спор в свое время убедительно разрешил великий Достоевский, назвав Некрасова планетой пушкинского солнца. Естественно, если бы не было Пушкина, вряд ли мог бы появиться и Некрасов.

Но время внесло свои поправки. И если продолжать мысль Достоевского о планетарности нашей русской поэзии, нужно сегодня сказать, что Некрасов сам стал солнцем, вокруг которого вращаются планеты с именами Александра Блока, Сергея Есенина, Андрея Белого, Владимира Хлебникова, Павла Васильева, Александра Твардовского, Александра Прокофьева, Михаила Исаковского, Алексея Негодова, Василия Федорова, Егора Исаева и многих других поэтов, чье творчество продолжает и развивает животворные традиции русской классики.

Некрасову как поэту и просто как человеку, полагаю, было безразлично, что думают о нем его современники. И, может быть, физический уход его из многотрудной подвигнической жизни в некоторой мере скрасили слова Н. Г. Чернышевского, прозвучавшие на смертном одре поэта: «Его слава будет бессмертна, потому что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов».

Каково счастье, что не порвалась и ныне связь подлинно русской народной лирики и человека!

Некрасов, будучи удивительно русским поэтом, стал близок всем народам нашей великой Советской державы. И ныне наравне с именами Пушкина, Лермонтова и благоговением произносит это имя «веська сущий в ней язык».

Юрий ПОЛЯКОВ

ДИАЛОГ С РОДИНОЙ

Он юным завещал певцам
Народу честное служенье!

Таковыми строчками закончил Алексей Плещеев стихотворение «Памяти Н. А. Н.». И не случайно, ведь «Народу честное служенье» — это самое главное, чему учатся у Некрасова новые и новые литературные поколения. Приглядитесь: его поэзия просто насыщена обращениями к Родине, Отчизне, Руси... Этот высокий символический ряд буквально пронизывает все его наследие.

Поэт как бы ведет с Родиной непрерывный диалог, в котором горячая любовь и преданность соседствуют с горьким упреком: стремление «размыкать нашу горю» в тяжких, омраченных победой «свелького дела любви». Патристическая лирика Некрасова — если пользоваться терминологией — суть высочайшая любовная лирика с единственным адресатом — Родиной. Блоковский «О, Русь моя! Жена моя!» идет, по моему, от Некрасова и дальше — через всю нашу поэзию, включая и ее ныне работающие поколения.

Но названное высокое свойство ничего общего не имеет с назойливым, суетным использованием святых синонимов, превратившихся в иную авто-роу в некий новый тип междометий, вроде «ох!», «ах!» и т. д. И если у Некрасова за обращением к Руси неизменно чувствуется стремление бескорыстно отдать себя Родине, то у таких «спрашно болтающих» сочинителей ощущается совершенно обратное желание. Но это тема особого разговора, между прочим, начинавшегося нашей критикой.

Говоря о Некрасове, певце скорби народной, певце красоты родной земли, мы порой забываем иное качество его творчества — сатиру, острую иронию, злую пародию на современные ему литературные и общественные явления.

Сейчас выходит академическое собрание сочинений Некрасова. И мы уже привыкли к тому, как литераторы, порывшись в закромах эрудиции, цитируют малоизвестные произведения из, как говорили в старину, свежерезанного очередного тома. Но, грешен, не могу удержаться и не приведу строки из написанных в сороковых годах «Очерков литературной жизни». Вот поэт Хлыстов, очень знакомое лицо, читает новое стихотворение:

«...Где плачут и стонут, где
Где волны морские
Усеяно трупами мрачные
Дно...»

— Страшно! у меня волосы дыбом становятся! — сказал актер, украдкой встав в руку.

— Вроде Дантова ада, — заметил Зубков, никогда не читавший Данте...»

Другое время — другие песни, но, положа руку на сердце, как все это напоминает некоторые современные «пугающие» явления нашей поэзии и — что еще забавнее — критическую реакцию на них.

Конечно, современное прочтение классического текста — дело тонкое, но все-таки универсальность давних поэтических формул, их, я бы сказал, «обратимость» во времени, разве это не один из тех элементов, что слагают саму литературную традицию?

Сатира Некрасова особого рода: она созидательная, она служит утверждению общественного и художественного идеала. Не случайно Александр Блок ставил «Иронию» предпоследним эпиграфом из Некрасова:

Я не люблю иронии твоей,
Оставь ее отпущенным,
И нежным,
А нам в тобой, так
Горько любившим,
Еще востанет чувства
Сохранившим, —
Нам рано предаваться ей.

Автор «Возмездия» противопоставил созидательной иронии Некрасова разлагающую, развращающую душу иронию конкретных своих современников. А если снова проводить параллели с современностью, некрасовская сатирическая традиция ничего общего не имеет с той туманной, «зааллегорной» иронией, когда уже и не понятно, что, собственно, хочешь сказать сочинитель, когда это уже какой-то иронический «символизм», более того — чисто символическая ирония!

Некрасов же всеми силами сердца утверждал неразрывность поэтического высказывания и общественного дела. Характерно, что в последних своих стихах он снова и снова мучительно размышляет об этом:

Слова... Слова... красивые рассказы
О подвигах... но где же
Иль нет людей, идущих
Дальше фразы!

Нет, это не неверие в мощь поэтического слова, это стремление к такому слову, которое, по Маяковскому, много взвешу у Некрасова, — «полководца человеческого».

И вот опять ловлю себя на том, что строки, написанные более ста лет назад, звучат сегодня остро современно. Современности не только по замыслу, но по способу выражения. Именно такое качество отличает подлинную классику от иных вчерашних образцов, которые уже сегодня неудобочитаемы.

Вот стихотворение «Праздному юноше»:

Что сидишь ты слобна руны?
Ты окончил курс науки,
Любви русский край,
Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь
Честно...

Что ж? Начинай!
Иль тебе все мелко, низко?
Иль ждешь труда без
риска?

Времена не та...
Толковать такие строки — только портить дело, потому что Некрасов идет к современному читателю, минуя тома комментарий, идет напрямую. И это главное!

Михаил ЛЬВОВ

СТОЛБОВАЯ ДОРОГА

В годы революции и в годы социалистического строительства традиции Некрасова зазвучали еще сильнее в российской поэзии, получили новый импульс, новое содержание.

Поэзия Маяковского, «Двенадцать» Блока — все это вдохновлено теми же святыми порывами, которыми отличалось творчество Некрасова, — служением народу.

«Главная Улицая» Демьяна Бедного — на той же столбовой дороге (тут и ритм даже очень близок Некрасову).

А Твардовский! Огромное, истинно народное явление! На чьи в первую очередь традиции опирается автор «Василия Теркина» и «За далью — даль»? Конечно же, на некрасовские!

Исаковский. И он, идя от тех же традиций, сумел сказать в поэзии свое слово.

Прокофьев — в той же стихии народной жизни и поэзии.

Егор Исаев, Виктор Боков, Сергей Смирнов, Николай Старшинов, Виктор Кочетков, Сергей Вилулов, Валентин Сорокин — все они развивают «некрасовскую линию» в поэзии. Хотя надо оговориться: определение «некрасовская линия» условное, ибо поэты — как сообщающиеся сосуды: никто не живет отдельно, в «изоляции»...

Интонацию некрасовских стихов: «Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить» вы найдете еще у Пушкина («Свят Иван, как пить мы станем, непременно уж поманем...»)

Когда вы читаете «Эпическое стихотворение» Смелякова, явственно слышите Лермонтова, интонацию, даже словарь («Средь юных женщин...») — но это стихотворение

Весь мировой —
От нашей силы заводской,
От полевой.

«Весь мировой» — как точно это найдено, как много вмещает в себя это слово «мировой»: и «парень мировой», и «на виду у мира», и «слова мировой», и сам он — для всего мира!

Не зря на только что состоявшемся пленуме правления Союза писателей РСФСР, отвечая тем, кто упрекал поэзию в отставании от жизни, Сергей Михалков сказал, что одна только якая поэма Исаева «Убил охотник журавля» в состоянии опровергнуть любые упреки в адрес нашей поэзии.

Тем и сильны лучшие наши поэты, что каждый мог бы сказать о себе словами Некрасова: «Я лиру посвятил народу своему...»!

Не зря на только что состоявшемся пленуме правления Союза писателей РСФСР, отвечая тем, кто упрекал поэзию в отставании от жизни, Сергей Михалков сказал, что одна только якая поэма Исаева «Убил охотник журавля» в состоянии опровергнуть любые упреки в адрес нашей поэзии.

Тем и сильны лучшие наши поэты, что каждый мог бы сказать о себе словами Некрасова: «Я лиру посвятил народу своему...»!

Муза Некрасова бессмертна, потому что она всегда была со своим народом. Этому мы учимся у него.

Хута БЕРУЛАВА

БУДЕТ ЖИТЬ ДОЛГО

КОГДА умер Некрасов, тбилисская газета «Новое обозрение» писала: «В России поэтов было много, но ни у одного из них стих не выливался из такой плененной, уверенной души, как у Некрасова, — и они умерли, а он живет и будет долго жить».

В этих словах замечательно выражено основное, чем дорог и близок нам Н. А. Некрасов, дорог и близок не только русскому читателю, но и всем, кто любит и помнит его. Искреннее сочувствие тогдашним бедам и страданиям крестьянина и рабочего, пламенная вера в то, что они проложат себе дорогу в будущее, — вот что волило рукой поэта, когда он создавал свои бессмертные строки. Поэтому поэзия его жила вчера, живет сегодня и будет жить долго. Чему мы столетие спустя учимся у Некрасова? Его истинно гражданскому чувству, неразделенному с истинным лиризмом. Его умению проникнуть в душу человека-труженика и как бы заставить его самого заговорить в стихе.

Считаю, что в русской лирике до сих пор в числе неувядающих шедевров находится некрасовское «Размышления у парадного подъезда». Характерно, что это чисто русское стихотворение по своему духу и материалу тогда же нашло живой отклик и среди грузин, в числе других некрасовских стихотворений было переведено и напечатано на грузинском языке. Приветствуя публикацию «Размышления...», наш известный литератор Антон Пурцеладзе тогда писал: «Советую каждому, кто еще не читал его на русском или грузинском языке, обязательно прочесть это полное печальным дум и жалоб стихотворение, в котором высказана накопленная веками горечь обездоленного, находящегося в тяжелой нужде, человека».

Некрасов учит нас сегодня

тому, что только подлинно народный, национальный поэт затрагивает глубокие струны в сердцах своих соотечественников и представителей других народов. Такой же истинно народный, национальный грузинский поэт Важа Пшавела хорошо знал его творчество и, по свидетельству современников, наизусть читал отрывки из «Русских женщин». А Акакий Церетели сам принимал участие в похоронах русского поэта и позднее с искренним волнением вспоминал о глубоком впечатлении, которое произвела на него выраженная тогда любовь народа к Некрасову.

Любовь народа — самое большое счастье для писателя. И потому в числе уроков Некрасова, которым мы учимся сегодня, главным, как мне кажется, является его бессмертный гражданский долг: завет для советского писателя и поэта сегодня? Это значит быть с народом, жить его жизнью, знать и разделять его радости и заботы. Это значит ежедневно вносить свой вклад в его борьбу за воплощение в жизнь высших нравственных норм, за создание нового социалистического уклада. Это значит бережно дружить народами и всеми честными людьми на планете. Это значит честно и прямо говорить обо всем, что мешает нашему движению вперед, говорить не с позиции стороннего наблюдателя, а от имени народа, изнутри, с конструктивной перспективой на улучшение дел, исправление ошибок и недочетов.

Муза Некрасова бессмертна, потому что она всегда была со своим народом. Этому мы учимся у него.

Тбилиси

Владимир НЕКЛЯЕВ

«...ОСОБЕННО ЛЮБИМ»

В БЕЛОРУССИИ любовь к Некрасову — особая. Родственная, что ли. И, наверное, не только потому, что белорусская литература развивается в русле демократических, народных некрасовских традиций и именно в этом достигла наибольших успехов.

Кто знает, возможно, что Некрасов, как и Достоевский, кровно связан с белорусами. Родовая фамилия матери поэта Елены Андреевны — Захаровская. Типичная фамилия, особенно распространенная в западных, пограничных с Литвой и Польшей районах. Как раз в Западной Белоруссии, в местечке Криво, рядом с руинами знаменитого в истории Криво-Камского замка, где была когда-то подписана польско-литовская уния, прошло мое детство. В доме деда моего висела задымленная икона с изображением уже не знаю какого святого. Однажды случился пожар. Спасли то, что успели, что вынесли. В том числе и эту икону. Однако ее оклад — простая деревянная рама — развалился. И что же? Под нижней планкой рамы открылись надписи: «Портреты русских писателей. Н. А. Некрасов. 1821—1878».

Оказалось, что дед и бабушка долгие годы были поклонны перед обителем небес, а перед самым земным из представителей русской поэзии! Это, конечно, всего только забавный эпизод, но дед мой, быть может, и не подозревая этого, любил Некрасова. С первой мировой войны он принес песню, которую часто пел и которую я с его слов запомнил:

Между темных лесов
Небогато наше село,
Горы горные
по свету шныряют,
Непаромом на нас набрело.
В детстве я, разумеется, не знал, что это чуть измененные стихи Некрасова, но полюбил их и тянулся душой к тому, кто их сочинил.

Вспоминаю, как я, начинающий стихотворец, встретился с Аркадием Кулешовым. Аркадий Александрович сразу сказал мне, что один из самых любимых его поэтов — Некрасов и что Некрасова любит и ценит Твардовский.

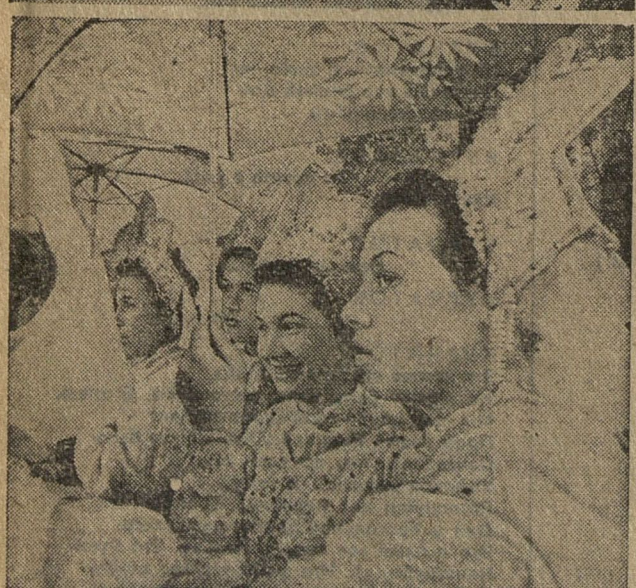
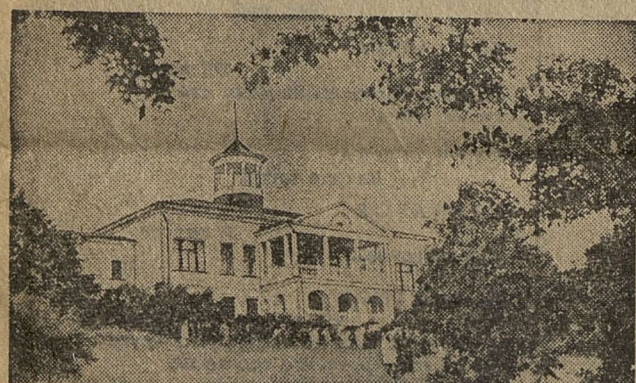
— За что? — спросил я.

— За интонацию, — ответил Кулешов. — Поэзия искусственна на своей природе, недаром к ней скептически относились Толстой. И если что-то может со временем стать искусственным одеждой, сделать живой, так это — интонация. Некрасов — гений разговорной, свободной интонации, народной интонации. Помнишь его: «Ну, говори поскорей, что ты слышал про свободу?». Ведь из этой интонации, если не слышишь Есенин, то слышишь «Анна Снегина»! Некрасов — от народа. Этому нельзя научиться. Это или дано, или не дано. Обидно, когда дано человеку, а он пренебрегает даром, выворачивается, пытается естественное сделать неестественным. Нет, надо помнить об уроках Некрасова!

Сам Аркадий Кулешов о них хорошо помнил и их хорошо усвоил. Еще юным он написал поэму «Знамя бригады», сразу выдвинувшую его в ряды значительных поэтов. Некрасовские традиции в ней очевидны. Так же, как очевидны они и в вершинном достижении белорусской поэзии — поэме Якуба Коласа «Новая земля».

Все настоящие художники при всей их несхожести во все времена были схожи в одном: в правдивости. Все они знали, что произносимое этим чувством творчество нравственно, а значит, народно. Поэзия Некрасова — наглядное доказательство этой мысли. Много есть прекрасных художников, но не из тех, что для всех поколений, для всех народов будет, говоря его же словами, «особенно любим»!

Минск

КАРАБИХА. Традиционный фольклорный праздник.
Фото А. НАЗАНОВА